

Ее охватывает ужас,
Когда на землю дышит стужей
В упор стерильная луна.

То вечный страх, то вечный страх
Перед суровым смыслом мира
Четвероногих пассажиров
Планеты па семи ветрах.
И, слушая собачьи трели,
Ночами ежится в постели
Бог, повелитель, вертопрах.

Собака, песенница дочь,
Собака, лушшая собака,
Ты — сон, ты соткана из мрака.
Мне слушать жуткий вой невмочь...
Луна висит созревшей каплей.
Но облаков морозной паклей
Ее с небес стирает ночь.

Олег Охалкин

Летучий Голландец

Давно так не звездило по ночам.
Все осень, осень, облака да тучи.
Эпохи поворот тем круче, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам.
Увы, меня не тронула простуда.
Хоть весь продюрг, я не о том скорблю.
Гляжу в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Все ветер, ветер, сумрак и ненастье.
Пусть непогода треплет наши снасти,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег... Это позади.
И плаванье не обратить к началу,
Когда еще бессмертье впереди.

Давно так не звездило по ночам.
Всё свечи, свечи, гускляя каюта
И паруса в полете без приюта,
Да ржавчина по доблестным мечам.
И ужас навоящая свобода,
Когда покой, как призрак в тишине.
И дух не утоляет непогода.
И вечный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Все бегство, бегство, комната и книги.
В пространстве — туч имперские квадриги,
В столетьях — плач все видевшим очам.
Лишь палуба Летучего Голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса.
Свободен дух, но и скитанье — плен.

Квадрига

А. С. Пушкину

Нет ничего ужасней и странней
Квадригой черной сросшихся коней.
Имперской бронзой ставшие навек,
Они тебя раздавят, человек!

Чудовищны четыре жеребца,
Застывшие под лавами венца.
Звериная душа, металлом став,
Ожесточила тварный свой состав.

Уже не всадник, слившийся с коном, —
Зверообразный памятник. На нем
Печатью узурпаторской узды —
Ездою, забравший жуткие бразды.

Уже не конь, что издали — кентавр —
Над колесницей лицемерный лавр,
Тавренный и подкованный табун,
А сверх всего — орел, не то горбун.

Триумф когда-то горного орла —
Звероподобье, в косм умерла
Прообраза божественная часть —
Над зверем человеческая власть.

Колеса не прибавили коню
Величия. С квадригой не сравню
Пегаса, распластавшего крыла
Прсвыше бронзы, лавра и орла...

Прекрасен и высок без седока
Сей конь, чье беззаконье на века
Крылами попирает испокон
Звероподобный vzdыбленный закон.

В глухозимье

На смерть Т. Г. Гнедич

Седая стынь. Дымит ледовый лютедь.
Мерцает снеговеющий простор.
И ухо рвет оркестр стозвонных лютед —
Студеный жар, куда ни бросишь взор.

Искры и пынут лютые Стожары,
На дерево влезает Орион,
И сивером свистят во все Ижоры
Бельт ледяной и норд со всех сторон.

Гремячая свирель зимы-владыки
И вьюжный Лель оброшенных лесов
Зовут в Анд на голос Эвридики,
Но лютовой сифонит с полюсов...

И нет надежды русскому Орфею
Растрогать лед, сивеющий в снегах.
Но, лиру взяв, и я в душе робею
На опустевших Стикса берегах.

И если бы неверье обороло,
Не тронула б струны живая скорбь,
И на Неве не слышали б Глагола,
Сомедшего звездой в ледовый гроб.

Но дрожью световой пронизан холод,
И лучезарен смерзшийся гранит,
Поскольку светоч веры — звездный Коло,
Что адамант Петрополь наш гранит.

Самый снежный день зимы

Вчера был самый снежный день зимы.
Я умотался. Снег сгребали мы.
Что делать, если служба такова!
Не все же двигать ямб, сдвигать слова!
Приходится лопатой и движком
Работать на морозе со снежком.
Кому-нибудь приходится в метель
Распутывать погоды канитель!
Кому-нибудь и нравятся? .. — О, да!
Вчера и я пришел к тому, когда

Мы вышли кое с кем расчистить двор
И тротуар. Нам ослепило взор.
Едва взглянули мы на снегопад.
Нам желтизна березовых лопат
Казалась кислой, как во рту лимон.

Сугроб соперничал с известкою колонн,
А черная ворона над Невой
На перекличке с черной полевой
Соперничала с глубио: что черней —
Крыло вороны или вода под ней.

Работая без отдыха весь день,
Молчали мы. В ушанке набекрень
Один был. На другом торчал картуз.
Как будто на Смоленщине француз,
Приятель мой ворочался в снегу
В испарине, при этом ни гугу...
И если и шибал кого мороз,
То не его. Он так в лопату прос
Руками, что метель, его крутя
Как мельницу, молола снег шутя.

Когда же был объявлен перекур,
Мы огляделись тайно сквозь прищур
Промокших век. Мело из-за угла.
Кололась Петропавловки игла.
Она прошла ватники в местах,
Где что-то колотилось в лоскутах.
Тогда я кой-кому сказал: «Гляди!
Что там? Уж не весна ли впереди?»
И он промямлил: «Дай мне рубль взаимы!
Сегодня самый снежный день зимы».

Из летних вечеров

Июнь... Какне вечера!
Какое медленное лето!
Средь нескончаемого света
Пойми где завтра, где вчера.

Неярок северный пейзаж.
Кусты, поля полупустые,
Да птички крики холостые,
Вёл скудный вид... Вот Север наш.

Зато уж небо — небеса!
Блеск без конца. Не наглядеться.
Всю ночь мне никуда не деться —
В полнеба света полоса.

А вечера, а вечера!
Я с них и начал. Это чудо.
Покой усталый отовсюду
И шорох птичьего пера...

И смутный призыв — теплый тон,
Как звон далеких колоколен.
Он гармонически спокоен,
И все ж напоминает стон.

Так у аккорда обертон,
Хотя и взят аккорд в мажоре.
Но есть в полях печаль о море
И хаос в карканье ворон.

И каждый вечер, им смущен,
Смотрю я, грустный поневоле,
На вечернее поле,
Страдашю мира приобщен.

И он лежит передо мной —
Притихший мир с коровьим взглядом,
И грусть моя белеет рядом —
Фонарь на кровле жестяной.

* * *

И вдруг запел неожиданный соловей —
Защелкал звучно и тревожно,
И мне без радости твоей
Жить стало грустно невозможно.

И слушал я наедине
С тобою напоенным сердцем,
Как пел он в утешенье мне,
Ручьясь коленце за коленцем.

И медлил я куда уйти —
Все слушал — сердце отзывалось,
И это было на пути
К тебе, и солнце поднималось.

В ночь на Невскую сечу

В году невзгоды, во время
Позора Батыева плена
Запомнило русское племя
Военные шведов знамена.

Обыкновенная сеча.

Но что-то в ней неизгладимо.
С восхода — Батыева туча,
С заката — безумие Рима.

С Востока — ярмо и нагайка,
Невежества желтая сила,
А Запад — грядущего гайка,
Златая середина, могила.

И в это-то время лихое

Нам было не то что виденье,
Но знаменье, правда глухое,
И живо в народе преданье.

В ту ночь по Владимире князе,
Почтив его светлую память,
Отряд новгородцев в железе
Ушел нас навеки прославить.

И вел Александр их. Ижорца
Пелгусья, Филиппа в крещенье,
Заутра, до свету, до солнца
О вражеских войск размещенье

Разведав, он ставит при входе
В Неву, поручив ему стражу
Двух русл, дабы враг при отходе
И здесь ущемил себе грыжу.

И вот, чуть светало, с залива
Внезапно повеяло чудом,
Как будто бы грохот прилива,
Как если бы русским народом,

Поднявшимся разом на сечу,
Дохнуло пространство и время,
Всходившему солнцу навстречу
Дохнуло видения пламя.

Реченный Филипп обернулся
На шум, распахнувший до неба
Простор, будто спал и проснулся,
Он видит Бориса и Глеба.

Корабль, и на нем двое рослых
Мужей в одеяньях червленых.
Ладья выгребает на веслах,
По-русски в бортах укрепленных.

В насадах гребцы, как бы мглою
Одеты, лишь двое над ними
Светлы и зарей золотою
Очерчены чудно, как в дыме

Два пламени жарких и ясных,
Обонх же руки на плечи
Друг другу возложены. В грустных
Их жестах — печаль, не иначе.

И слышен в рассветном просторе
С ладьи доносящийся голос.
В том голосе крепкое горе
Так жгло, что пространство пугалось.

То вещий Борис-страстотерпец
За русскую землю ко Глебу
Рече: «Брате Глебе, мой братец,
Помочь с тобой сроднику люблю

Должны мы, иначе сегодня
В беде настонт он великой».
И Глеб: «С нами сила Господня».
В округе дремучей и дикой

Опять все спокойно. Филиппу
Уж мнится, — не сон ли все было?
И что не взбредет с недосыну
В башку!.. и водой брызжет в рыло.

Однако, одумавшись, тут же
Спешит к Александру с докладом.
А тот ему: «Тише ты, друже!
Чай, Биргер услышит. Он рядом».